

ЗАПИСИ НАРОДНЫХ ПЕСЕН ПУШКИНА В СОБРАНИИ П. В. КИРЕЕВСКОГО

В виду того огромного объема, какого в настоящее время достигла научная литература о Пушкине, какой детальности и широты она теперь требует, понятно, почему и даже относительно мелкие явления из области «пушкинианы» могут представлять некоторую научную ценность и иметь право на внимание в глазах интересующихся всем, что так или иначе касается Пушкина и его творчества.

К числу таких второстепенных вопросов, дающих в то же время ценный материал для уяснения отношений Пушкина к современной ему устной поэзии и в частности к устной песне, принадлежит вопрос о собирании Пушкиным произведений устного творчества. Этот вопрос уже довольно давно был поднят в литературе о Пушкине, в недавнее время вызвал некоторое оживление среди пушкинистов, но до сих пор более или менее точного и полного разрешения не получил. Оживление интереса к Пушкину, как собирателю памятников устного творчества, начавшееся со столетнего юбилея поэта статьей Вс. Ф. Миллера¹, поддержано было Обществом Любителей Российской Словесности, предпринявшим к своему столетнему юбилею (1911 г.) издание собрания песен П. В. Киреевского, поскольку оно не было еще опубликовано в предыдущих изданиях того же общества², так как именно в песенном архиве П. В. Киреевского стали обнаруживаться записи песен, сделанные Пушкиным отчасти в с. Михайловском и его окрестностях, отчасти в с. Болдине и его округе.

Как известно по сообщению самого П. В. Киреевского, Пушкин, узнав о предпринятом Киреевским собирании песен и высоко ценя эту его деятельность (он находил, что дело находится в надежных руках), пошел навстречу собирателю

¹ Этнографическое Обзорение, кн. 60—61, 1899.

² «Песни, собранные П. В. Киреевским», 1868—1879 гг., и «Календарь переходов», 1861—1864 гг.

и доставил ему, между прочим, тетрадь с 50 песнями своей записи, присоединив известную загадку: угадать, какие из передаваемых песен поет народ, а какие он «смастерил» сам. Эти-то песни и должны были сохраниться в собрании Киреевского. С первых же шагов разработки песенного архива Киреевского надежды эти и стали осуществляться, но не вполне: записи Пушкина, встречавшиеся в архиве Киреевского, оказались не автографами Пушкина, а копиями, сделанными, правда, с обычной аккуратностью П. В. Киреевским, притом оказались и не в том количестве, в каком их можно было ожидать на основании свидетельства самого Киреевского: автографы поэта до сих пор, несмотря на тщательность поисков, с которой пушкинисты разыскивали и разыскивают все, что относится к Пушкину, не найдены; а самое, далеко неудовлетворительное состояние, в котором дошло до нас наследство Киреевского, не давало возможности иметь, хотя бы в копиях, все песни, полученные Киреевским от Пушкина. Как известно, доля — и довольно значительная — собрания Киреевского, бравшаяся в свое время по частям П. А. Бессоновым при подготовке им к изданию «Песен, собранных Киреевским», «Калек переходящих» и «Белорусских песен» (1871 г.), не вернулась обратно в собрание Киреевского и в его архиве (хранящемся в рукописном отделении б. Румянцевского музея, теперь Публичной библиотеки им. Ленина) отсутствует¹. Поэтому, даже и интенсивные поиски в этом архиве, сделанные до сих пор в связи с изданием новой серии «Песен, собранных Киреевским», предпринятым Обществом Любителей Российской Словесности, постепенно обнаруживали только все новые и новые тексты записей Пушкина, которые по мере их находки становились общедоступными, все же не давали всего «пушкинского» материала, бывшего в распоряжении П. В. Киреевского. Теперь это стало возможным, благодаря находке той части песен Киреевского, которая до сих пор отсутствовала в его собрании. Как и следовало ожидать, зная историю рукописного собрания песен П. В. Киреевского по его смерти (1856 г.), эта часть оказалась среди бумаг П. А. Бессонова, взявшего на себя по поручению Общества Любителей Российской Словесности издание песен Киреевского. Бумаги эти также уже имеют теперь свою историю. После целого ряда странствий вместе с П. А. Бессоновым, бумаги эти после его смерти в Харькове (1892 г.) были приобретены через москов-

¹ Подробности, равно как и описание и история собрания П. В. Киреевского, изложены во введении к I вып. новой серии «Песен, собр. П. В. Киреевским», в статье «П. В. Киреевский и его собрание песен».

ского антиквара известным московским собирателем П. И. Щукиным, затем вместе с его музеем им пожертвованы были Историческому музею в Москве, где они и находятся в настоящее время в составе отделения бытового архива Исторического музея. Если собрание Киреевского в части, сохранившейся в 6. Румянцевском музее, только внешним образом приведенное в порядок, представило исследователям огромную массу перебитого материала, как подлинных, черновых записей, так и копий с них, наскоро без всякого порядка и системы перенумерованных вскоре после смерти Киреевского, то еще в более печальном положении оказалась часть того же материала, попавшая в распоряжение Бессонова: в полнейшем беспорядке песни были разбросаны по огромному количеству бумаг самого Бессонова, самого разнообразного, никакого отношения к песенному материалу по содержанию не имеющих. До настоящего времени в архиве П. И. Щукина выделено свыше 30 связок, относящихся к бумагам П. А. Бессонова, но выделение это далеко еще не закончено. И вот среди этих связок в нескольких из них оказались разбросанными песни из собрания П. В. Киреевского, но опять-таки не в полном составе того, что в свое время попало из него в руки Бессонова, насколько мы можем судить по истории собрания Киреевского.

Среди этих-то песен, принадлежащих собранию Киреевского, собранных из разных связок бумаг Бессонова, мы нашли недостававшие нам до сих пор три пушкинские записи песен — и опять-таки только в копиях руки П. В. Киреевского, а именно следующие:

1. Девушка крапивушку жала, Красная немножко нажала.	(2526/12 — 4614)
2. Как нонече куры Поют петухами.	(2557/13 — 2114)
3. Бежит речка слезовая, На ней струюшка кровавая.	(2559/15 — 1471) ¹

В самом деле, подсчитав найденные до сих пор и опубликованные из собрания Киреевского пушкинские записи, увидим, что нам из пятидесяти номеров, о которых говорил П. В. Киреевский, как входивших в состав тетради, переданной ему Пушкиным, не хватало трех: 34 песни (свадебных) вошли в вып. I новой серии «Песен, собранных Киреевским» (стр. 54—60); одна песня была Киреевским исключена, как «нехорошая» (напечатана в «новой серии», введение, стр. LXXII); семь песен

¹ Первая цифра — номер песни в печатающейся 2-й части II вып. новой серии «Песен, собр. Киреевским», вторая — номер по помете рукописного собрания песен Киреевского.

напечатано Н. Н. Лернером в «Русской Старине», IV, 100—103, 1912; четыре песни—многие в сборнике в честь Д. Н. Анучина, стр. 211—214 (М. 1913); одна песня восстановлена и была напечатана (по «зеленой» тетради) Н. Н. Трубициным в «Пушкине и его современниках», XV, 141—142.

Всего, таким образом, найдено было 47 из 50 песен; три песни оказались в том же собрании Киреевского. Записаны были эти песни, кажется, там же, в Болдине, где и опубликованные Н. Н. Лернером; прямых указаний на это в бумагах Киреевского нет: песни помечены просто: «Пушкин», так же как и те, которые были предположительно отнесены к болдинским записям Пушкина; в самом тексте нет никаких таких черт, которые бы позволили точнее локализовать записи: с равным правом можно допустить запись их и в Псковской губ., если не принимать во внимание того, что песни в этой тетради, записанные в этой губернии, преимущественно свадебные, т. е. если допустить предположение, что Пушкин записал здесь преимущественно свадебные песни, а затем добавил тетрадь иными песнями, позднее записанными им в Болдине; но и такое предположение остается неподтвержденным, и вопрос о месте записи этих трех песен остается открытым, тем более что автографа этих песен мы не имеем.

В собрании Киреевского были и другие, сделанные Пушкиным же, записи песен, не входившие в состав тетради, переданной ему поэтом; такими надо считать: «Не беленька березанька к земле клонится», найденная в бумагах Киреевского С. О. Долговым¹, две исторических песни, напечатанные П. А. Бессоновым: «Туту жил-проживал господин Волконский князь»² и «Бежит речка по песку во матушку Москву»³; в виду того, что Бессонов извлекал песни для своего издания из песенного архива Киреевского, можно думать, что и эти песни принадлежали тому же собранию, хотя до сих пор не попались в нем; весьма возможно, что они исчезли вместе с подлинной тетрадью Пушкина, тогда как случайно уцелел листок с такой же песней, найденный С. О. Долговым. Сюда же следует отнести также до сих пор не встретившуюся в рукописи в собрании Киреевского песню «Что при вечеревечеринке», напечатанную впервые вместе с другими песнями из собрания Киреевского⁴, но с указанием на запись ее Пуш-

¹ См. соч. Пушкина в изд. Брокгауза, IV, 76.

² «Песни, собранные Киреевским», V, стр. 137 — с пометкой: «Псковской губ.».

³ Там же, X, стр. 211 — с той же пометкой.

⁴ «Русская Беседа» 1857 г., II, стр. 25 — 27.

киным. Конечно, были у Пушкина и еще записи песен; кроме отданных Киреевскому, им самим сделанные, как о том свидетельствует хотя бы болдинская запись «Как у нас было на улице», найденная в автографе М. А. Цявловским¹.

Во всяком случае, теперь можно с уверенностью утверждать, что тетрадь записанных Пушкиным песен, данная им Киреевскому, если и недоступна нам в подлиннике, восстановляется на основании песенного архива Киреевского вполне благодаря находке одной из частей этого архива.

ПРИЛОЖЕНИЕ

4614. Девушка крапивошку жала,
Красная немножко нажала;
Кажется, ни с кем не стояла,
Только я с милым говорила:
«Ах, ты мой сердечный, милый друг!
Я слышала несчастье про тебя:
Идешь в поход. Возьми меня с собой!
Назови меня родной сестрой
Или душенькой молодой женой».
— Нельзя, нельзя мне взять тебя с собой:
Что все в полку полковнички знают,
Что нет у меня родной сестры,
Что есть у меня одна матушка,
И та живет в деревне в печали²

2114. Плясовая.

Как нонече куры
Поют петухами,
Ах, люшеньки, ай люли! и т. д.
Как нонешни жены
Владеют мужьями.
Я возьму мужа за ручку,
Брошу на постелю:
«Лежи, муже, тута,
Поколь схожу — кнута³,
Поколь схожу — кнута,
Железного прута!»

1471. Бежит речушка слезовая,
На ней струюшка кровавая;
По бережку растёт част осинничек,
Во тем осинничке — куст рябиноушки,
Она аленькими цветочками она расцветала;

¹ «Два автографа Пушкина», М. 1914, стр. 14 — 16, и песни, вошедшие в «Собр. соч. Пушкина», изд. Брокгауза, IV, 77 — 79.

² Поется также: «Да и та старенька». — Прим. собирателя.

³ Т.-е. схожу взять кнута. — Прим. собирателя.

На двету сидит кукушечка,
Горемычная куковала,
Жалобнёхонько, горемычная, причитала,
Всем солдатушкам назолушку давала.
«Не кукуй-то ты, кукушечка, жалобненько,
Не одной-то тебе, кукушечка, жить тошно,
И нам, солдатушкам, жить не сладко!
На что матушка нас, сударыня, породила?»

ПАМЯТИ
П. Н.
САКУЛИНА
СБОРНИК СТАТЕЙ

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
«НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ»

Москва—1931